

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В последний раз

Дмитрий Мамин-Сибиряк

В последний раз

«Public Domain»

1903

Мамин-Сибиряк Д. Н.

В последний раз / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1903

«Маремьяна Власьевна убиралась на дворе и ворчала:– Тоже, гость называется... И гость свое время должен знать. А мой-то Семеныч и рад лясы точить хоть до утра... тьфу!.. Вон и двор не прибран, и овса надо прикупить, и сена только-только осталось; а вдруг обоз придет?.. С гостями-то просидишься как раз...»

Содержание

I	5
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Мамин-Сибиряк

В последний раз

I

Маремьяна Власьевна убиралась на дворе и ворчала:

– Тоже, гость называется... И гость свое время должен знать. А мой-то Семеныч и радысы точить хоть до утра... тьфу!.. Вон и двор не прибран, и овса надо прикупить, и сена только-только осталось; а вдруг обоз придет?.. С гостями-то просидишься как раз...

Высокая, рослая и полная женщина, Маремьяна Власьевна не походила на загнанную бабу и напрасно жаловалась на мужа. Так просто хотелось поворчать бабьим делом.

Она несколько раз заглядывала в окошко чистой половины, где останавливались проезжающие почище, и видела, как за большим самоваром, какие подают только на постоянных дворах, сидит все та же компания: муж Гаврила Семеныч, сосед Огибенин и проезжий-гость, плотный, немолодой человек, одетый по-городски, в серое суконное пальто, подпоясанное гарусным шарфом.

– И о чем, подумаешь, разговаривают... тьфу! – ворчала Маремьяна Власьевна, проходя сеними в мелочную лавочку, где торговала вдовая дочь Душа.

Ей казался подозрительным неизвестный гость. Ох, и нанесет худого человека, тоже не обрадуешься; а Семеныч прост!

– За водкой не посылали, Душа? – спросила она сердито.

– Гость посылал, а только тятенька не пьет. Огибенин так рюмку за рюмкой и хлещет.

– Ну, этому в самый раз!

Маремьяна Власьевна присела на скамеечку и с жалостью посмотрела на дочь. Какая-то она ледащая да нескладная вся и старше своих лет кажется. Уж, кажется, голодом никто не морит, и работа не тяжелая сидеть в лавке, а все чахнет. Вон купчихи или торговки на базаре – в коже места нет. Напустил кто-нибудь на Душу сухоту, не иначе дело. Мало ли худых людей на свете!

На «чистой половине», действительно, шел самый оживленный разговор. Старик Огибенин, с испытанным хищным лицом и жилистой шеей, горячился больше всех, размахивал руками и выкрикивал хриплым голосом:

– Господи, да ежели бы сила-мочь, да всю бы округу перевернули вверх дном!

Хозяин Гаврила Семеныч держал себя солидно и говорил сдержанно, поглаживая окладистую темную бороду. Он сидел в одном жилете с ситцевой рубахой-косовороткой навыпуск, как носят городские мещане. Худощавый, высокий, с решительным взглядом небольших серых глаз, он производил впечатление именно солидного человека, выдавшего виды. Даже и чай он пил как-то солидно, не торопясь, аккуратно откусывая сахар. Гость был купеческой складки, коротенький, с заплывшими глазками и гнилыми зубами... Время от времени Огибенин в подтверждение своих слов обращался к нему:

– Уж Гаврила Семеныч знает, он всю округу наскрозь знает...

– Чего же тут не знать? – скромно отзывается Гаврила Семеныч. – Всем известно, слава богу... Кто не знает, отчего разорились Курчаевы? И очень просто... У них золото шло гнездовое, а они разведку закатали по всей россыпи шахматом. Ну, где шурфом-то угодишь прямо на гнездо?.. Бились-бились, денег издержали уйму, а под конец и обессилели. Тыщ пять проработали, а потом едва за пятьсот рублей продали прииск. Мелькову.

– А тот близко восьмидесяти тысяч нажил, – дополнил гость хозяйскую речь. – Действительно, дело известное... Может, и не хватало-то сотни, другой.

– Вот-вот! – выкрикивал Огибенин. – Тоже взять Теленковых... Верное дело было, натакались¹ на постоянную жилу, а силенки-то и не хватило!

– Ну, у Теленковых особь статья вышла, – остановил его Гаврила Семеныч. – Несуразный человек сам-то Арефий... Ему все подавай дело с маху, а это не манер. Золото-то к рукам идет тоже, а не зря.

Оказалось, что гость хорошо знал и дело Теленковых... Справная была семья, а теперь вконец изнищала.

– Подвел их Лука Саввич Прохоров, – объяснил он, покачивая головой. – Все обещал помочь, а как дело коснулось, – он сейчас, например, в кусты. Теленковы-то и остались на бобах.

Маремьяна Власьевна не утерпела и вошла в избу, чтобы послушать, о чем говорят. По выражению лица мужа она догадалась, что и он относится к гостю недоверчиво. Это ее успокоило. Старуха недолюбливала вообще этих проклятых разговоров о золоте.

– Все-то у вас золото на уме, – проговорила она, не обращаясь лично ни к кому. – Аники-воины!

– И будет золото, кума!.. – заплетавшимся языком ответил за всех Огибенин. – Ивана Панфилыча Оглоблина забыла? Вот так же сидел со мной на лавочке и даже очень горевал; последний у тещи вымолил четвертной билет; а теперь на тройке разъезжает, дом двухэтажный имеет... Вот оно какое, золото-то, бывает!

– Это ему, надо полагать, теща наворожила золото-то, – заметил с улыбкой гость. – Не иначе дело... От ихнего брата, баб, тоже много зависит, ежели другой человек ослабеет и начнет бабу слушать.

– А вот это уж ты напрасно говоришь! – сердито оборвала Маремьяна Власьевна шутивого гостя. – У мужиков-то у всех одна вера: поколь у него деньги, так и шире его нет; и жена нипочем; а коль промотал деньги, – ну, сейчас оглобли-то и поворотил к жене.

Гаврила Семеныч не вступался в этот разговор, а только нахмурился. Не любил он пустых бабьих слов.

Маремьяна Власьевна отлично знала, что такое значит, когда муж молчит, и ушла.

Весенний день кончался. Гаврила Семеныч зажег жестяную лампочку и молча слушал пьяную болтовню захмелевшего Огибенина.

– Эх, и нет же лучше места, как наш Миясский завод! – повторял старик, точно кто-нибудь с ним спорил. – Вот какое местечко господь уродил: направо – золото, налево – золото, кругом золото... На, получай, ежели у тебя есть умственность! Конечно, Златоуст – город, например, и Челябин – тоже, а какая им цена? Так, одно звание... По всему Уралу такого угодного места не сыщешь, как наш Миясский завод! Так я говорю, Гаврила Семеныч?

– Говорить все можно, – уклончиво ответил Гаврила Семеныч, поглаживая бороду. – Мало ли золота по Уралу, особенно на севере...

– Ах, то совсем даже наоборот, Гаврила Семеныч... – захлебываясь, спорил Огибенин. – Бывать не бывал, а только слухом земля полнится. И золото тоже золоту рознь... Возьми теперь в степе золото, ну, Кочкарь – опять свой манер, а супротив нас не выйдет!

– Получше нашего-то будет, – вставил свое слово гость. – И даже весьма получше... В Кочкаре жильное золото работают, ему и конца-краю не будет. Возьмите промысла Подванцева или Екатеринбургский прииск: на сто лет золота хватит. Да... А у вас кругом все россыпи. Сегодня есть, а завтра – тю-тю!

– К казенному золоту большие деньги нужны, – объяснял Гаврила Семеныч. – Чего одна шахта стоит? А тут паровую машину ставь, чтобы воду отливать, тут тебе бегуны и прочее. Больших это все тысяч стоит.

¹ Натакались – попали, нашли. (Прим. Д. Н. Мамин-Сибиряка.)

Разговор завязался серьезный, и были разобраны все золотые промыслы Южного Урала по ниточке, где, что и как.

Особенно хорошо были известны ошибки неудачников золотого дела.

– Да что тут говорить! – заявил Гаврила Семеныч, поднимаясь с лавки. – Я сам раз с пять зорился на этом самом золоте и могу вполне соответствовать.

Откуда-то явилась вторая бутылка водки, и Гаврила Семеныч «разрешил». После двух рюмок он сразу раскраснелся.

– Что вы меня учите? – говорил он. – Ученого учить – только портить... Сами отлично все можем понимать и соответствовать. Тоже на золоте выросли сызмальства... Слава богу, всяких народов насмотрелись вполне достаточно и можем понимать, что и к чему. Всю округу вот как понимаем...

– Ах, господи! – подобострастно выкрикивал Огибенин. – Ежели, примерно, родительского дома не пожалели, Гаврила Семеныч...

– А что мне родительский дом? – азартно заговорил Гаврила Семеныч, ударив себя в грудь. – Своих трех домов не пожалел... да! Ежели считать, так и не сосчитаешь, сколько тут капиталу убито. Одним словом, зараза! Нет, брат, я это дело вот как знаю!..

Он даже стукнул кулаком по столу. Гость тоже раскраснелся и смотрел на него прищуренными, улыбающимися глазами.

– Да, что же делать! Случается... – соглашался он, потирая жирной ладонью свою круглую коленку.

– Бывает?! – уже выкрикивал Гаврила Семеныч. – Конечно, дураков учат и плакать не велят... Верно!.. Ну, а теперь пусть кто-нибудь надует Гаврилу Семеныча Поршнева? Хе-хе!..

II

Гость остался ночевать.

– Кто он такой будет? – спрашивала Маремьяна Власьевна мужа. – Откуда взялся?

– А кто его знает, – уклончиво ответил Гаврила Семеныч. – Сказывал, что с Сойминских промыслов едет в Кочкарь.

– А зовут как?

– Зовут-то Егором Спиридонычем Катаевым. По торговой части занимается...

– Оно как будто и не похоже. Очень уж он допытывался о нашем мясском золоте...

– Кто его знает, что у него на уме? Сказывал, что едет куда-то на Балбук... Пали слухи, будто башкиры обыскали золото в верховьях реки Белой.

– Вот, вот!.. В самый раз ему прикачулась печаль о чужом золоте!

– Не наше дело, – строго остановил жену Гаврила Семеныч. – Мало ли чужестранных народов у нас по золотым промыслам околачивается! Может, у него легкая рука на наше-то золото. Случается... Вон екатеринбургские купцы как поднимают Кочкарь: деньги прямо лопатой гребут. Из Невьянска тоже и протчие...

Утром на другой день Гаврила Семеныч поднялся рано, как всегда, наскоро напился чаю и ушел с гостем на базар. Последнее опять беспокоило Маремьяну Власьевну.

А весеннее утро было отличное. Стояли последние числа апреля, и снег везде стоял. Начали распускаться вербы и березы. По низинам около воды высыпала первая зелень. Улицы в Мясском заводе в буквальном смысле тонули в грязи, и возы с кладью приходилось иногда добывать из нее бастрыгами и прочим дрекольем.

– Время-то какое... а? – повторял Катаев, любовно глядя на далекую линию гор. – Вода тронулась... Самое время теперь работать на промыслах. Огнем горит работа...

– Это уж что говорить, – соглашался Поршиез. – Вся сила в воде... Так, говоришь, обыскали башкиришки золото на Белой?

– Богатое золото, сказывают... В самой верхотине реки, где она выпадает под Чи-Ташем.

– Случалось, бывал. Это за Теребинском будет... Ох, и народец только там живет, первые воры на всю округу!

– Ну, и по другим местам тоже рта не разевай, Гаврила Семеныч! Известно, промыслы...

– Да, случается... Я еще на Кумышаке бывал, Егор Спиридоныч.

– Ну-у?..

Катаев даже остановился. Даже в летописях Южного Урала, где добыто много золота, прииск Кумышак являлся чем-то сказочным.

– Да, был... В горе башкиришки обыскали вот какую жилу! Прямо наверх вышла. Ну, только башкиришкам от нее ничего не досталось, потому как дача-то приграничена к Балбуку, значит, Базилевскому. Работы поставили кое-как, – смешно было смотреть... Кварц-то был облеплен золотом, точно пчелами. Его толкли прямо в чугунных ступах, и не золото толкли из кварца, а кварц из золота.

– Пудов с десять золота добыли, сказывают?

– Около того... А как поставили настоящие работы, – шахту ударили, бегуны устроили и прочее, – жила сразу изубожилась.

– Расщепилась?

– Да... Много тут денег даром было потом-то заколочено, да толку не вышло.

– Это уж всегда так бывает, ежели в жиле видимое золото. Выбрали гнездо – и прощай! В настоящей крепкой жиле крупинки не увидишь золота...

На базаре Катаев обошел все лавки, где можно было купить разную приисковую снасть: ломы, лопаты, кайлы, веревки и т. д. Он приценился к товару, и видно было, что человек знает

свое дело до точности. Поршневу указал ему, где можно заказать тачки, приисковые таратайки, вашгердты, насосы. В общем всего на прикидку выходило рублей на шестьсот с хвостиком, да еще надо было прикинуть провоз.

– Ну, провоз-то пустое, – заметил Катаев. – Все равно придется купить штук пять своих лошадеков, три – четыре телеги, – сами свезем.

Прикинув все в уме, Поршневу сообразил, что дело по расчету подходит к тысяче рубликов. «Ох, круглая денежка!..» Про себя он даже пожалел Катаева. Как раз мужик в петлю головой залезет, а что будет – еще неизвестно. Но ему нравилась обстоятельность гостя и какое-то особенное, деловое спокойствие. Вот таким людям и золото в руки... В душе Гаврилы Семеныча заныло что-то забытое, старое, обидное. Он припомнил свои личные неудачи и последовательный ряд разорений. Конечно, глуп был, не понимал настоящего дела, да и добрые люди помогли.

Домой с базара они вернулись только к обеду. Гость остался еще на день, чтобы выехать завтра пораньше утром. За обедом опять шли разговоры о золоте и промысловом деле.

– Да будет вам! – ворчала Маремьяна Власьева. – Слушать-то тошнехонько...

– А ты и не слушай! – резко оборвал ее Гаврила Семеныч, начинавший сердиться на жену. – Ведь никто не неволит. У нас свои разговоры, и не вашего бабьего ума это дело.

Маремьяна Власьева обиделась и замолчала. Но Гаврила Семеныч разошелся и, стукнув кулаком по столу, проговорил:

– И те дураки, кто вашего брата, баб, слушает!.. Да... А я вот возьму да вместе с Егором Спиридонычем и махну на Белую. Ей-богу, уеду!.. Что я тут сижу дома, как чирей?! С постоялым-то и без меня управишься; а я, даст бог...

– Гаврила Семеныч, голубчик, не снимай головы! – завопила Маремьяна Власьева, бросаясь в ноги мужу. – Прости глупую бабу на скором бабьем слове!..

– Ладно, отвяжись!.. Довольно уж мне тебя слушать-то. Досыта наслушался... Добрые люди дело делают, а я сижу да свою бабу слушаю! А вот поеду – и конец тому делу!

Из кухни, где обедали, дверь со стеклянным окошечком вела в лавку, чтобы на всякий случай видно было, что там делается. Когда в этом окошечке показалось испуганное лицо Души, Гаврила Семеныч окончательно рассвирепел и, оттолкнув валявшуюся у его ног жену, набросился на дочь:

– А тебе что нужно?! А?! Да я вас всех вот как распатрону!..

Одним словом, Гаврила Семеныч так разошелся, что гостю пришлось его успокаивать:

– Перестань грешить, Гаврила Семеныч! И разговор-то самый нестоящий... Ну, съездим, ну, посмотрим, а там, примерно, как есть ничего нет, – ну, с теми же глазами и домой возвратимся. Ты, Маремьяна Власьева, даже совсем напрасно беспокоишься... Надо сказать так: сейчас все реки играют, а нам надо переезжать через реку Урал. Положим, она в верхотине даже очень невеличка, и курицы ее вброд перейдут; а по веснам она вот как играет, когда с гор поляя, вешняя вода скатится. Не дай бог!.. А мостишко дрянной, – по нему, пожалуй, сейчас и не проедешь.

– Да я ничего, поезжайте с богом!.. – со слезами в голосе говорила Маремьяна Власьева. – Я ведь не перечу.

Несмотря на эти умиряющие слова, Гаврила Семеныч все-таки не мог успокоиться и тяжело дышал. Он не верил притворному согласию жены.

Как на грех, в самый критический момент в дверях показалась голова старика Огибенина. В обыкновенное время Гаврила Семеныч не обращал на него внимания и даже относился к нему, как к пустому и нестоящему человеку, а тут так и набросился, точно родной брат пришел.

– А старик... то есть в самый раз!.. Ах ты, мой милый!..

Обняв ничего не понимающего Огибенина, Гаврила Семеныч любовно проговорил:

– Вот человек... Господи, да ежели бы ему деньги!.. Так говорю, Савва Яковлич?

– Действительно, Гаврила Семеныч... весь изнищал... – бормотал Огибенин. – Можно сказать, превратился в образ червя, который одной землей питается...

– Вот, вот!.. Ничего, старик, в некоторое время ты нам пригодишься. Егор Спиридоныч, да это такой... такой человек, который, пряменько сказать, на два аршина под землей видит. Что поделаешь, беднота заела... Вот и пропадает, как червь... Мы и его с собой захватим, Егор Спиридоныч! У меня и тележка подходящая есть... Заложим парочку и махнем. Огибенин за кучера...

Огибенин охотно соглашался со всем и только опасливо поглядывал на Маремьяну Власьевну, которая сидела в стороне на лавке и не вступалась больше в разговор. Она рассчитывала умолить мужа ночью. Они по старинке спали на одной перине, и без свидетелей легче было говорить. Но Гаврила Семеныч увел гостя на чистую половину, велел поставить самовар, и Маремьяна Власьевна не могла его дождаться.

– Ох, беда бедовая!.. – плакала старушка. – Головушка с плеч...

III

Утром поднялись чем свет. Гаврила Семеныч торопился, точно на пожар. Маремьяна Власьева не утерпела и накинулась на него:

– Бога ты не боишься, Гаврила Семеныч!.. Кто мне пред образом клялся, что в последний раз на золоте разорился? А ты опять за то же... Всё разоришь и всех по мирупустишь!

Поршневу собрался молча, не обращая внимания на жену, что ее окончательно вывело из себя. Когда он стал запрягать в телегу гнедого киргиза, она схватилась за узду.

– Не дам Гнедка!.. Мой Гнедко!.. Какая теперь дорога-то, разбойники вы этикие?.. В один день по распутице изведете лошадь...

– А мы другую подпряжем, глупая! – спокойно ответил Поршневу. – Гнедко в корню, а в пристяжке пойдет Воронко... Огибенин, орудуй!

– Разбойники вы все, вот что! – кричала Маремьяна Власьева на весь двор. – Погубители!..

Катаев попробовал было уговорить расходившуюся старуху, но только махнул рукой:

– Ты-то к чему прикачулся, оборотень?! – вопила она на него. – Откуда тебя нелегкая принесла?.. Чтобы тебе ни дна, ни покрывки, окаянной душе!..

Досталось по пути и старику Огибенину, который спорить и возражать по бедности не мог, а только встряхивал головой. Он и не рад был, что попал в хорошую компанию, потому что постоянно случалось одолжаться у Маремьяны Власьевны, а теперь и на глаза к ней не показывайся! Баба характерная, живьем съест, ежели расстервенится.

Все вздохнули свободнее, когда выехали наконец из ворот поршневого дома. Маремьяна Власьева бежала за телегой по улице и что-то кричала, грозила кулаком и вообще неистовствовала, как сумасшедшая. Гаврила Семеныч угрюмо молчал. Ему было немножко и совестно перед посторонними людьми и обидно за взбесившуюся жену. Что же, кажется, он хозяин в своем собственном доме, и никто ему не смеет указывать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.